ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

# ЛЕКЦИЯ 12. ТЕМА 1.12. М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. СВЕДЕНИЯ ИЗ БИОГРАФИИ. СВОЕОБРАЗИЕ ТИПИЗАЦИИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

**1. Общая характеристика творчества писателя**

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (настоящая фамилия — Салтыков; псевдоним — Николай Щедрин) родился 15 (27) января 1826 г. в селе Спас-Угол Тверской губернии, умер 28 апреля (10 мая) 1889 г. в Санкт-Петербурге. Он вошёл в историю русской литературы как крупнейший сатирик XIX века, публицист и государственный деятель: в 1848–1855 гг. отбывал ссылку в Вятке (за «повредный образ мыслей» — публикацию повести «Запутанное дело»), в 1858–1862 гг. занимал пост вице-губернатора Рязани, затем Твери. С 1862 г. сотрудничал в журнале «Современник», а после его закрытия в 1866 г. вместе с Н. А. Некрасовым возглавил «Отечественные записки», где и была опубликована «История одного города».

Художественный мир Щедрина целостен: его центром является осмысление судеб России как государства, построенного на насилии над личностью, и анализ причин, по которым народное терпение оказывается опорой деспотизма. Сатира Щедрина реализует себя в жанровом многообразии — «Губернские очерки», «Господа Головлёвы», циклы «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Пёстрые письма», «Сказки», «Пошехонская старина», — однако сквозные приёмы остаются едиными: гротеск, гипербола, фантастика, зоологические и предметные уподобления, эзопов язык, оксюморон, скрещение канцелярской и народно-поэтической речи. Фантастическое у Щедрина не искажает действительность, а выступает особой формой повествования, выявляющей её подлинную природу.

**2. История создания и смысл названия романа**

Замысел «Истории одного города» формировался постепенно: образ вымышленного города Глупова как воплощения самодержавно-помещичьего строя возник ещё в очерках начала 1860-х годов; в 1867 г. был опубликован фантастический «Рассказ о губернаторе с фаршированной головой», лёгший в основу главы «Органчик»; работа над романом велась в 1868–1870 гг., публикация осуществлялась по частям в «Отечественных записках», отдельным изданием роман вышел в 1870 г

Смысл названия определяется тем, что слово «история» употребляется автором в двух значениях: как летопись конкретного города и как «история» вообще — процесс жизни во времени. Глупов — город-символ: его история есть пародийное воспроизведение истории русского самодержавного государства, и потому «история одного города» оказывается историей всей России. Название сублимировало и двойную позицию автора: летописец подаёт абсурдное как «правдоподобное», тогда как сам Щедрин подчёркивал, что писал не сатиру на XVIII век, а сатиру на государственный строй России вообще.

**3. Споры о жанровой природе произведения**

Жанровое своеобразие «Истории одного города» стало предметом устойчивой дискуссии. Традиционно произведение определяется как **гротескный сатирический роман**, однако новаторство книги породило ряд конкурирующих трактовок:

• **сатирическая хроника** (роман-хроника): композиция воспроизводит строение летописи — произведение открывается «Обращением к читателю от издателя», за которым следует «Глуповский Летописец», охватывающий период с 1731 по 1825 г.;

• **сборник сатирических очерков**: главы («Органчик», «Голодный город», «Соломенный город», «Учёные друзья» и др.) обладают внутренней завершённостью;

• **антиутопия**: книга-предупреждение о последствиях тотального регламента жизни, опережающая романы Е. Замятина и Дж. Оруэлла; в наибольшей мере этот жанровый аспект реализован в финальной главе «Подтверждение покаяния», где Угрюм-Бурчеев строит «идеальный» город по казарменному образцу.

Современники восприняли книгу как злободневную сатиру: Щедрин ответил на обвинения А. С. Суворина статьёй «Историческая сатира» в журнале «Вестник Европы», настаивая, что предметом изображения является не «историческая злоба дня», а вневременная природа самодержавия. Именно соединение летописной формы с фантастическим гротеском делает книгу «жанровой химерой», целостность которой обеспечена единством сатирического замысла.

**4. Проблема народа и власти как центральная проблема книги**

В центре повествования — философское осмысление исторических судеб самодержавной России и противоречий между деспотической властью и обездоленным народом. Система персонажей распадается на два лагеря: градоначальники и обыватели, — однако Щедрин не снимает ответственности с самого народа. Ключевой мыслью романа является положение о том, что **бессознательное поклонение власти и нежелание брать на себя ответственность составляют опору деспотизма**. Показателен эпизод главы «Органчик»: страх глуповцев остаться без указаний оказывается страшнее самого органчика — нелепо не существование механической головы вместо головы человеческой, а готовность горожан повиноваться ей.

Тема народа раскрывается через чередование бедствий — пожаров, наводнений, голода (в главе «Голодный город» отражён реальный голод 1868 г.). Сатирик высмеивает не только правителей, но и глуповское «смирение» и безынициативность, что придало роману в глазах современников «обидный» характер: автора обвиняли в оскорблении русского народа. Тем не менее сатира на народную покорность подчинена у Щедрина общей задаче — показать, что власть и народ составляют единый, взаимно обусловленный механизм, лишённый внутреннего движения истории.

**5. Город-гротеск в изображении писателя**

Глупов — собирательный образ с размытыми границами. Он одновременно уездный город, сравнимый с Римом («в согласность древнему Риму, на семи горах построен»), и образ всей России; конкретные приметы города соотносимы с Вяткой, которую Щедрин знал по ссылке. Именно условность и «резиновость» границ позволяют Глупову вмещать события разных эпох: время в романе условно и намеренно «скрещивается» (в главе «Органчик», датированной 1762 г., упоминаются недоимочные реестры; в войнах Бородавкина за просвещение — концессия на железную дорогу, появившуюся в России лишь в 1838 г.).

Гротеск становится не отдельным приёмом, а основным принципом изображения реальности: гиперболизация, фантастика, предметные метафоры (вместо головы градоначальника — механический органчик; голова Прыща оказывается фаршированной) превращают абсурд бюрократического бытия в наглядную картину. Звуковая атмосфера Глупова организована по принципу звукового гиперболизма: в гротескном мире отсутствуют нейтральные звуки, всё сущее издаёт «начальственный» грохот, — за эту красочность «История одного города» названа исследователями «симфонией в слове».

**6. Галерея градоначальников**

«Опись градоначальникам» представляет 22 правителя города; отдельные главы развёртывают биографии наиболее «выдающихся» из них. Галерея градоначальников — образ собирательный, обозначающий не должность, а самовластного правителя как такового. Некоторые образы имеют прямые исторические прототипы: Брудастый («Органчик») вобрал черты Арцакыча-времени канцелярской ярости; в Двоекурове усматривают намёк на эпоху Александра I; Угрюм-Бурчеев соотносится с Аракчеевым и его казарменными порядками.

**Брудастый («Органчик»)** — градоначальник с механической головой, издающей вместо мыслей «разорю» и «не потерплю»; его власть держится исключительно на страхе и на повиновении обывателей.

• **Фердыщенко («Соломенный город», «Фантастический путешественник»)** — бывший денщик Потёмкина, человек простых аppetитов; при нём Глупов достигает невиданного расцвета, однако выясняется, что и у него «фаршированная голова».

• **Бородавкин** — «утопист», ведущий четыре «войны за просвещение» (осада слободы, экспедиция к Вышнеморту, кампании о каменных фундаментах, персидской ромашке и академии); его «просвещение» оборачивается спалением тридцати трёх деревень ради взыскания недоимок в два рубля с полтиною.

• **Двоекуров** — законодатель-пацифист, идеолог «принуждения к благу»; **Грустилов** — меланхолический носитель пороков, «дружественный» литературе.

• **Прыщ** — градоначальник с фаршированной головой, под которым город переживает наивысший расцвет благосостояния.

• **Угрюм-Бурчеев** — финальный и наиболее жёсткий образ: «идеальный» город, где жители в равном количестве расселены по домам, маршируют, коленопреклоняются и получают «по куску чёрного хлеба, посыпанного солью»; стремясь «уничтожить» реку как неподвластную циркулярам силу природы, он перестраивает Глупов в Непреклонск.

Через образ градоначальника Щедрин показывает, что самодержавие воспроизводится в любом правителе: меняются имена и происхождение (порой градоначальниками становятся то «итальянцы», вывезенные за искусную стряпню, то бывшие истопники), но функция власти — глупость, насилие и страх — остаётся неизменной.

**7. Трактовка финала**

Финал романа многократно толковался в литературоведении. Угрюм-Бурчеев, вступающий в борьбу с рекой — воплощением живой, не поддающейся циркулярам стихии, — терпит крах: река продолжает двигаться и жить, плотина уплывает вниз по течению. Из туч на город надвигается некое **«оно»** — «не то ливень, не то смерч», неслось полное гнева, и в момент его появления «история прекратила течение своё». Устойчиво выделяются три основные трактовки этого эпизода:

1. «Оно» — предсказание народной революции, завершающей «ложную» историю самодержавия;
2. «Оно» — начало ещё более жёсткой реакции;
3. «Оно» — символ неизбежного возмездия, ниспосланного Глупову подлинной историей за противоестественность и бесчеловечность его существования.

Показательно, что «оно» сметает не только Угрюм-Бурчеева, но и упраздняет саму историческую ткань города: время «останавливает бег свой». В этом финале соединяются мотивы Апокалипсиса (образ «конца света») и пробуждения подлинной истории — начавшейся только после исчезновения мёртвой, антиисторической власти. Трактовки носят спорный характер именно потому, что Щедрин сознательно оставил образ «оно» недифференцированным: неопределённость принципиальна, ибо сатира направлена не на отдельного правителя, а на сам механизм глуповской истории — бесконечное повторение насилия и покорности.

«История одного города» — синтетическое сатирическое произведение, в котором летописная форма, гротескный образ города и галерея градоначальников служат изображению самодержавия как системы, враждебной живой жизни. Центральная проблема книги — отношение народа и власти — решается двусторонне: сатира обличает одновременно и деспотизм, и покорность, порождающую деспотизм. Финал романа, оставаясь «тёмным» в смысле однозначного истолкования, утверждает мысль Щедрина о закономерном крушении «глуповской» истории и о возможном её преодолении — но лишь как вопрос, обращённый к будущему.